
Религиозное воспитание и психология творчества

А.А.Мелик-Пашаев,

доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологических проблем художественного развития Психологического института РАО, zinaidann@mail.ru

Статья посвящена проблеме взаимодействия церковной и светской культуры, в том числе – христианской антропологии и психологического знания о человеке. В качестве основного препятствия на пути такого взаимодействия рассматривается ориентация традиционной психологии на каузальную логику и причинную детерминацию, что делает принципиально невозможным адекватное понимание человеческого творчества. Но именно способность творить, ориентированная телеологически, является родовым признаком человека и печатью его богоподобия. Высказывается убеждение, что телеологический подход ведет не к обесцениванию, а к переосмыслению массива знаний, накопленных наукой в каузальной исследовательской парадигме. Художественно-творческий опыт рассматривается как оптимальный для ребенка путь актуализации «внутренней активности души» (В.Зеньковский) и как первооснова душевной отзывчивости. В основе художественного творчества лежит позитивный ценностно значимый опыт единства с миром и всеобщности жизни, родственной религиозному опыту и ведущий в дальнейшем к развитию религиозного сознания.

Ключевые слова: церковная и светская культура, каузальная и телеологическая логика, творчество, психическая причинность, художественно-творческий опыт ребенка.

Название моей статьи рождает ожидания, которые я в лучшем случае смогу оправдать лишь отчасти. Рождает оно и вопросы. Ведь по первому впечатлению задачи религиозного воспитания и самовоспитания человека, с одной стороны, и задачи психологии творчества и творческой самореализации – с другой, отстоят довольно далеко друг от друга. Какие новые ориентиры может дать христианское понимание человека исследователю психологии творчества? Могут ли психология и педагогика творчества подводить растущего человека к религиозному опыту? И нужно ли стремиться к их объединению и сотрудничеству?

Мы ведь знаем, что в отношениях между церковно-религиозной и светской культурой (в том числе и наукой, и образованием) существует если не разрыв, то, по меньшей мере, настороженность. Она не лишена мировоззренческих и исторических оснований, хотя не свободна и от недоразумений, от односторонности, от взаимного

недопонимания. И преодоление отчуждения между ними давно уже представляется многим богословам и просвещенным пастырям церкви не просто важным, а жизненно важным делом. В первой половине минувшего века о.Сергий Булгаков считал это важнейшей задачей своего времени. Позднее греческий богослов Демосфен Саврамис говорил: «Все силы христиан должны быть направлены на христианизацию всех ценностей цивилизации и на расширение христианского мировоззрения и мироощущения» [8]. О.Василий Зеньковский призывал «не отвергать, а спасать» все жизнеспособное в мировой культуре, творчески осваивать, а не обходить ее.

Приведу еще одно, много более раннее и особо значимое свидетельство. В «Записках» Николая Мотовилова следующим образом переданы слова преподобного Серафима Саровского: «Мне Господь сказал, что у вас в жизни все духовное со светским и все светское с духовным так тесно связано, что ни того от другого, ни этого от того отделить нельзя, и ... будущее человечество сим лишь путем пойдет, если захочет спастись» [6, с. 131]. Не больше и не меньше: если захочет спастись.

С надеждой, что так оно и будет, начнем с малого и обдумаем ключевой для нашей темы вопрос: как человеческое творчество видится с религиозной и научно-психологической точек зрения? Постараемся понять, что мешает добросовестному и профессиональному психологу принять и усвоить христианскую точку зрения на главный предмет его исследований – на человека? (Есть, наверное, и то, что мешает человеку церкви увидеть и «не отвергнуть, а спасти» то ценное, что есть в науке и в светской культуре в целом, но специально рассуждать на эту тему я не считаю для себя возможным.)

В христианской антропологии понятие «творчество» занимает исключительное место. Известно, что Григорий Палама и другие святые отцы видели именно в творчестве отличительное свойство человека, как бы печать его богоподобия. Человек не только сотворен, но и сам способен творить. Не только вылеплен из праха земного, но и наполнен божественным духом, который «веет, где хочет».

Наш современник митрополит Антоний Сурожский определенно говорит: «Может быть, свойство человека, яснее всего делающее его родным Богу (курсив мой. – А.М.), это творчество, способность творить» [9, с. 9]. (Сразу скажу: я учитываю двойственную роль свободы и творческого дара в человеческой истории, всю опасность и ответственность человека с этим связанную, но сейчас буду иметь в виду не «всякое», а синергичное творчество, сотворчество с Творцом – «Без Меня не можете творить ничего»).

Готов ли ученый-психолог, даже лояльно настроенный по отношению к богословию, религии и церкви, принять изложенную точку зрения на творчество именно как психолог и соотнести ее со своими исследованиями? А если нет, то почему? В кратком

изложении трудно не упростить столь сложную проблему; постараюсь, по крайней мере, не исказить ее суть.

По-видимому, главное препятствие состоит в следующем. Для традиционно мыслящего ученого «научным» в строгом смысле слова все еще остается такое знание, которое следует причинной логике и представляет свой предмет как подчиненный внешней детерминации, т.е. изначально и существенно несвободный в своих проявлениях. Научно познать явление значит, прежде всего, указать причину его возникновения. А зная причину, явление можно вызвать, повторить, проверить и, может быть, даже измерить. Психолог, занявший такую позицию как единственно научную, а priori «обречен» видеть любые психические процессы и качества только под углом зрения их объективной обусловленности, изучать и объяснять их как явления вынужденные, причиненные чем-либо, лежащим вне «свободного произволения» самого человека (будь то биологические, или социальные факторы, или сочетания тех и других).

Недостижимым «идеалом» данного подхода стало бы чисто объективное, а лучше сказать – объектное знание о человеке, которое никак не зависело бы ни от того, кто изучает, ни от того, кого изучают. Имея в виду такое именно понимание научности и полемически заостряя формулировку, замечательный философ А.Арсеньев много лет назад говорил, что наука – это форма теоретического знания о вещах. В том числе и о человеке – в той мере, в каком ему, как и всему в мире, присущ этот «вещный» аспект бытия. Но «собственно человеческое» в человеке принципиально недоступно на таком пути познания, сколько по нему ни иди. Как сказал поэт:

И все так близко, и так далёко,
Что, стоя рядом, достать нельзя...

Естественно, что с наибольшей очевидностью эта граница проступает при попытках изучать, тем более – объяснять сущность и процессы творчества. Даже если ученому удастся создать условия для спонтанного проявления творческой активности человека, зафиксировать ее проблески (что само по себе является достижением), его попытки концептуализировать, научно объяснить эти проявления неизбежно ведут к детерминистической редукции и фактически к утрате самого предмета.

Творческое состояние нельзя описать в жесткой системе терминов, которые собеседник или читатель понимал бы однозначно, независимо от своего уникального и не вполне вербализуемого ценностного опыта; акт творчества нельзя вызвать с помощью контролируемых внешних воздействий (можно лишь создавать условия, в которых возрастает его вероятность); его нельзя гарантированно повторить и «перепроверить»; и т.д., и т.п.

Разумеется, творчество как реализация «внутренней активности души» воплощается в пространстве объективных факторов, материальных и иных причинно-следственных связей, принимает на себя их отпечатки, считается с ними, использует или преодолевает (или не преодолевает) их, но не ими вызывается к жизни и не ими определяется в своей существенной, содержательной направленности. В глубине его всегда присутствует дух, который «веет, где хочет».

Иначе говоря, творчество – будь то создание произведений культуры или форм общественной жизни, будь то «творчество самого себя», самовоспитание и самосовершенствование в свете идеала – всегда совершается по внутренней необходимости, а значит, свободно от внешнего «причинения». И это как бы выводит проблематику творчества из сферы компетенции и ответственности науки, которая – в привычном, но узком ее понимании – «началась с отсечения телеологической детерминации» [7, с. 191].

И я могу предположить, что честному исследователю кажется, будто признать такую свободу определяющим началом творчества и самого человека – главного предмета его изучения! – значит обесценить и свой профессиональный труд, и весь необозримый массив знаний о человеке, который накоплен наукой в «каузальной» исследовательской парадигме.

Это, замечу, вовсе не значит, что исследователь непременно отрицает само существование явлений, которые не улавливаются сетью «строгой» науки. Но, действуя «как ученый», он вынужден либо их редуцировать, по сути теряя сам предмет, либо отказываться им в «виде на жительство» на своей территории и «экстрадировать» их в сопредельные области искусства, житейского здравого смысла, и, конечно, в область религии. В результате все наиболее важное и ценное в человеческой жизни остается неохваченным «наукой о душе».

Между тем альтернатива данному подходу существует, по меньшей мере, со времен В.Дильтея, который различил традиционную «объяснительную» психологию, заимствующую методы и критерии из области естественных наук, и психологию «описательную», позже удачно переименованную в «понимающую». Такая психология, по мысли В.Дильтея, представляет собой ядро всякого гуманитарного знания, и ей свойственны принципиально иные методы и критерии достоверности [2]. Эта линия получила блестящее развитие, в частности, в «Методологии гуманитарных наук» М.Бахтина, где он, солидаризируясь с С.Аверинцевым, раскрывает понятие инонаучности в гуманитарном знании [1]. Замечу: инонаучность – вовсе не то же, что ненаучность.

Для обсуждаемой проблемы исключительный интерес представляет столетней давности труд В.Зеньковского, посвященный психической причинности [3]. Психолог, педагог, а в будущем богослов и священник В.Зеньковский показывает на широком

психологическом материале, «изнутри» психологической реальности, что причинность действует во всей психической жизни человека, но принципиально иначе, чем механическая причинность, на которую ориентировалась наука того (только ли того?) времени. Она действует как конечная, или целевая, причина, *causa finalis*, и ориентирована на будущее, неявным образом реализуя внутренне присущие человеку цели. Это В.Зеньковский определяет как «внутреннюю активность души», которая актуализирует для самого человека и телеологически преобразует все объективное содержание его опыта. (Тут можно говорить об инверсии знаменитой формулы С.Рубинштейна: внутренние причины действуют через внешние условия.) С этой точки зрения, «человеческое в человеке» носит по существу творческий, не «выводной», не детерминированный извне характер и представляет собой, по выражению митрополита Антония Сурожского, «жизнь изнутри наружу», а не реакцию, сколь угодно сложную и многоступенчатую, на какие бы то ни было объективные воздействия.

С моей точки зрения, такая смена парадигмы ни в малейшей мере не угрожает обесценить материал, накопленный психологической наукой, но позволит его переосмыслить как часть более широкой и цельной картины внутреннего мира человека.

Все открытые наукой свойства психики и закономерности ее становления мы увидим не как совокупность безличных причин и следствий, которые из себя, из своей бессознательности и несвободы необъяснимым образом порождают сознательную и свободную, т. е. творческую, личность. Мы увидим вместо этого совокупность условий и причинно-следственных связей, в которых телеологически реализуется внутренняя активность души, тот потенциал, который несет в себе человек и который он свободен осуществить (или не осуществить) актами своего свободного творчества.

В.Зеньковский в упомянутом выше труде дал превосходный пример реализации такого подхода – пример, по разным причинам не подхваченный учеными следующих поколений. Для психолога, который займет такую позицию, станут гораздо более прозрачными преграды, которые разделяют сейчас академическую психологию, с одной стороны, и практику – с другой, изучение психических процессов – и психологию личности, научные знания о человеке – и не освоенный наукой духовно-практический религиозный опыт тысячелетий.

Теперь постараемся связать сказанное с задачами педагогической психологии. Если мы согласились видеть в даре творчества отличительную черту человека, печать богоподобия, то нужно признать, что, помогая пробудиться творческому «я» ребенка, мы словно «окликаем» божественную искру в нем и можем способствовать пробуждению и последующему становлению его религиозного сознания и самосознания.

Поскольку мы вплотную подошли к практическим проблемам, уместно спросить, должна ли идти речь о каких-то конкретных видах детского творчества? Н.Лосский пишет: «Бог, творя личность, дает ей сверхкачественную творческую силу» [5, с. 81]. «Сверхкачественную» – значит универсальную и не предрешающую за самого человека конкретную область ее применения в эмпирической действительности. Мы знаем, что ребенок в благоприятных условиях готов раскрыть разнообразные творческие возможности, в этом смысле он гораздо универсальнее взрослого. Вероятно, всякое проявление «жизни изнутри наружу», при соответствующем руководстве, может стать началом пробуждения «творческого Я». Но я убежден, что в ранние годы жизни, с точки зрения обсуждаемой нами проблемы, безусловный приоритет имеет творчество художественное.

Почему именно оно? Первый аргумент – общего характера: в изобразительном, литературном или ином художественном творчестве дети приобретают самый ранний, самый массовый и самый успешный опыт творчества как такового, т. е. порождения и посильного осуществления собственных замыслов – опыт, психологически необходимый человеку и пока никак не соотносимый с какой-либо будущей профессией.

Второй аргумент прямо связан с нашей темой – взаимодействием творческого опыта и религиозного воспитания. Дело в том, что художественное творчество рождается и растет, в первую очередь, не благодаря наличию и развитию отдельных психологических качеств, необходимых для деятельности в том или ином виде искусства, и не благодаря приобретению специализированных навыков и знаний. Все это – сопутствующие моменты, или средства; они бывают необходимы, но, взятые сами по себе, в своей мнимой самодостаточности, могут даже отводить от сердцевины живого, личного художественно-творческого опыта. В основе лежит другое: отношение ко всему как к живому; готовность видеть, как в чувственном облике существ и явлений жизни просвечивает душа; непосредственное переживание внутреннего родства с миром, своей неотделенности от всеобщего бытия.

Такая позиция, в высшей степени свойственная большим мастерам искусства, близка почти каждому маленькому ребенку и в благоприятных педагогических условиях легко актуализируется. «Все в мире, – пишет о.Василий Зеньковский, – и большое и малое, и звезды и небо, и земля и люди – все, все восхищает дитя, влечет его к себе... нравится ему без всякой мысли о возможном его использовании... Отношение ребенка к миру... носит по преимуществу эстетический характер: эстетическая установка доминирует в детской душе» [4, с. 170–171].

Но разве не это дает начало и способности ребенка живо, уже на дорефлексивном уровне, чувствовать божественное присутствие в мире? Ведь прочное религиозное

воспитание тоже бывает укоренено не в знании догматов и не в соблюдении правил поведения, предписываемых твоей конфессией. Они необходимы, но, превратившись из средства в цель, могут и затруднить обретение живой веры. Очень точно говорит А.Ухтомский: «Главный фокус религиозного переживания – переживание родства с миром, симпатическая реакция, чувство родства со средою»[10, с. 433]. Но, как было сказано, ранний художественно-творческий опыт пробуждает у ребенка именно такое отношение к жизни.

Причем делает это не директивно и не конфронтационно, не принуждая ни детей, ни родителей на рациональном уровне принимать или отвергать какую-либо систему ценностей, а погружая детскую душу в самый источник религиозного чувства.

Надо ли говорить, насколько это важно в нашей общественной и образовательной ситуации? Станет ли человек, исповедующий какую бы то ни было религию или конфессию, или не исповедующий никакой, возражать против того, что его ребенок станет душевно отзывчивым ко всему в своем окружении? И что благодаря этому «внутренняя активность его души» проявится в художественном творчестве? Поэтому творчески ориентированное общее гуманитарно-художественное воспитание, ранний положительный творческий опыт могут стать для целых поколений детей лучшим введением в религиозную жизнь.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. *Дильтей В.* Описательная психология. СПб., 1996.
3. *Зеньковский В.В.* Проблема психической причинности. Киев, 1914.
4. *Зеньковский В.В.* Психология детства. Екатеринбург, 1995.
5. *Лосский Н.О.* О перевоплощении. Интуитивизм. М., 1992.
6. *Мотовилов Н.А.* Записки Николая Александровича Мотовилова. М., 2005.
7. Психология и философия. Возвращение души / Под. ред. Б.С.Братуся. М., 2003.
8. *Саврамис Д.* Сила религиозного (молитвенного) молчания // Вестник РХД. 1974. № 111.
9. *Сурожский Антоний, митр.* Войду в дом твой. СПб., 1994.
10. *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997.

Religious education and psychology of creativity

A.A. Melik-Pashaev,

*Doctor of psychology; professor; head of laboratory of psychological problems of artistic development, the Institute of psychology, the Russian Education Academy
zinaidann@mail.ru*

The article is devoted to the problem of interaction of clerical and secular culture, particularly - Christian anthropology and psychological knowledge of man. The main obstacle on the way of such interaction is said to be the orientation of traditional psychology towards causal logic and determination which renders an adequate understanding of human creativity basically impossible. But the very ability to create, being teleologically orientated, is the generic attribute of man and the seal of his God-likeness. A belief is expressed that the teleological approach conduces not depreciation, but rethinking of the mass of knowledge gathered by science in causal research paradigm. Artistic and creative experience is viewed as the optimal way for a child to actualize the "inner activity of soul" (V.Zenkovskiy) and as the fundamental principle of soulful kind-heartedness. Artistic creativity has as its base the positive valuable experience of unity with the world and universality of life which is akin to religious experience and which leads in the following to development of religious consciousness.

Keywords: clerical and secular culture, causal and teleological logic, creativity, psychic causality, artistic and creative experience of a child

References

1. *Bahtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979.
2. *Dil'tei V.* Opisatel'naya psihologiya. SPb., 1996.
3. *Zen'kovskii V.V.* Problema psihicheskoi prichinnosti. Kiev, 1914.
4. *Zen'kovskii V.V.* Psihologiya detstva. Ekaterinburg, 1995.
5. *Losskii N.O.* O perevoploshenii. Intuitivizm. M., 1992.
6. *Motovilov N.A.* Zapiski Nikolaya Aleksandrovicha Motovilova. M., 2005.
7. Psihologiya i filosofiya. Vozvrashenie dushi / Pod. red. B.S.Bratusya. M., 2003.
8. *Savramis D.* Sila religioznogo (molitvennogo) molchaniya // Vestnik RHD. 1974. ¹ 111.
9. *Surozhskii Antonii, mitr.* Voidu v dom tvoi. SPb., 1994.
10. *Uhtomskii A.A.* Zasluzhennyi sobesednik. Rybinsk, 1997.